

Шеховцов А.В. Новый правый радикализм: к вопросу об определении // Вісник СевДТУ: Зб. наук. праць. — Вип. 91. — Севастополь: Вид-во СевНТУ, 2008. — С. 141-144.

А.В. Шеховцов

НОВЫЙ ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ

Анализируются три определения нового правого радикализма, представленные в недавно опубликованных исследованиях, посвященных современным крайне правым партиям. Показывается, что данные определения верно описывают идеологические установки праворадикальных партий, но в силу определенных причин не могут являться полностью приемлемыми. В виду этого предлагается иное определение нового правого радикализма, не противоречащее, но уточняющее предыдущие.

Проблема определения нового правого радикализма, как идеологии некоторых современных крайне правых партий, функционирующих в европейских странах, рассматривается в подавляющем большинстве политологических исследований, посвященных изучению феномена. В данной статье предлагается: а) проанализировать определения нового правого радикализма, представленные в трех относительно недавно опубликованных исследованиях: «Правый экстремизм в Западной Европе: успех или поражение?» Э.Л. Картер [1], «Голосование за правых радикалов в Западной Европе» Т.И. Гивенс [2] и «Популистские праворадикальные партии в Европе» К.Мудде [3], и б) обосновать собственное определение нового правого радикализма. Несмотря на то, что все три автора вышеупомянутых работ используют различные термины для определения идеологии крайне правых партий («правый экстремизм», «правый радикализм» и «популистский правый радикализм»), в целом их исследования посвящены одним и тем же партиям, поэтому и в их работах, и в данной статье (где используется уже четвертый вариант термина — «новый правый радикализм») речь идет об идеологических установках таких партий как «Национальный фронт» Жан-Мари Ле Пена, «Национальный альянс» Джанфранко Фини, «Свободная партия» Йорга Хайдера, «Фламандский интерес» Франка Ванеке и ряда других.

Существует две основные проблемы, связанные с нахождением соответствующего определения рассматриваемого политического феномена. Во-первых, учитывая, что крайне правые партии вынуждены функционировать в условиях «враждебной» либерально-демократической системы и не могут позволить публично выражать свои действительные идеологические устремления так же, как это делали праворадикальные партии в межвоенную эпоху, в отношении новых праворадикальных партий можно выделить два идеологических уровня [4, с. 174]:

1. «Экзотерический» уровень, который является публичным и находит выражение в официальных партийных программах.

2. «Эзотерический» уровень, обычно известный только ограниченному числу членов партии.

Во-вторых, сам термин «новый правый радикализм» (равно как и три других вышеупомянутых термина) является искусственной разработкой ученых и ни одна актуальная партия не называет идеологическую основу своей политической программы «праворадикальной». В этом заключается разительный контраст не только с либеральными, консервативными, социалистическими, коммунистическими и «зелеными» партиями, но и теми откровенно фашистскими организациями, которые – в отличие от новых праворадикальных партий – не пытаются сохранить электоральную привлекательность и используют в своих названиях прямые или косвенные ссылки на названия межвоенных партий, ответственных за самые чудовищные преступления против человечности XX века (например, итальянский «Национал-социалистический фронт», британская «Колонна 88» или шведская «Партия нордического рейха»). Более того, сами лидеры и/или идеологи крайне правых партий обычно не соглашались с теми интерпретациями их идейных установок, которые предлагают ученые и предпочитают утверждать, что их организации придерживаются подлинно консервативного, социалистического или даже либерального мировоззрения. Такие названия крайне правых партий, как «Либерально-демократическая партия России» (Российская Федерация), «Новая демократия» (Швеция) и «Социальная альтернатива» (Италия) подтверждают данный тезис. Таким образом, у исследователей отсутствует возможность сослаться на партию с гипотетическим самоназванием «Новая праворадикальная партия» и на основе анализа ее программы разработать типобразующее определение идеологии нового правого радикализма.

Первая проблема решается путем изучения как официальных программ и брошюр, представляющих «экзотерический» уровень идеологии, так и внутривнутрипартийных газет и Интернет-ресурсов, которые дают возможность понять, что в действительности скрывается за обычно политкорректной официальной риторикой партийных лидеров. Решение второй проблемы подразумевает сравнительный анализ современных праворадикальных партий и выделение общих для них

политических идей и взглядов. Российский политолог С.В. Погорельская, размышляя о правомерности компаративного подхода в исследовании правого радикализма, писала, что «общая черта праворадикальных движений различных стран состоит... в том, что все они – особенные и тяготеют к абсолютизации особенного» [5, 6]. Вне всяких сомнений, идеология каждой праворадикальной партии уникальна, однако, сравнительный анализ идейных систем европейских крайне правых партий предполагает формулирование обобщающих концептуализаций, соответствующих – в терминах Дж. Сартори – среднему уровню абстракции [6, с. 157]. При этом особенные, национальные проявления исследуемого политического феномена соответствуют низшей ступени «лестницы абстракции» и не могут входить в определение нового правого радикализма в контексте внутрорегионального (например, общеевропейского) сравнения. Следовательно, определение нового правого радикализма должно быть сформулировано таким образом, чтобы оно могло охватить все проявления нового правого радикализма, преодолев различия между национальными формами изучаемого феномена с помощью обобщающих концепций.

Отдельные ученые формулируют свои дефиниции на основе негативного подхода, выделяя те понятия и концепции, которые отрицаются новыми праворадикальными партиями. К таким негативным характеристикам или «анти-характеристикам» нового правого радикализма политологи относят, например, *антилиберализм*, *антидемократизм*, *антипарламентаризм* и *антикоммунизм*. Ярким примером такого подхода является определение британского политолога Э.Л. Картер, которая предпочитает использовать термин «правый экстремизм» и считает, что идеологическая основа рассматриваемого феномена состоит из анти-конституционного и анти-демократического элементов:

«1. Отказ от основных ценностей, процедур и институтов демократического конституционного государства (признак, который делает правый экстремизм экстремистским);

2. Отказ от фундаментального принципа равенства всех людей (признак, который делает правый экстремизм правым)» [1, с. 17].

Подход, основывающийся на выделении «анти-характеристик» анализируемой идеологии, представляется неэффективным по двум главным причинам. Во-первых, определения, сформулированные на основе данного подхода, вместо точного указания на сущность политического феномена, говорят скорее о том, чем он не является. Во-вторых, определения через отрицание соответствуют – в терминах Сартори – скорее высшему, чем требуемому среднему уровню абстракции и обладают максимальным объемом, но минимальным смысловым наполнением [6, с. 155-157]. Например, в рамках определения Картер правым экстремистом (радикалом) может считаться не только лидер «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пен, но и Усама бин Ладен, отвергающий демократические ценности и идею равенства людей независимо от их вероисповедания, а также лево-националистический диктатор Зимбабве Роберт Мугабе.

Американская исследовательница Т.И. Гивенс демонстрирует смешанный подход в определении нового правого радикализма, сочетая выделение как негативных, так и утвердительных характеристик, присущих идеологии современных крайне правых партий. Так, главной общей утвердительной характеристикой всех праворадикальных партий Гивенс считает национализм, а две другие характеристики – а) анти-иммигрантская позиция/«велферный шовинизм», б) лояльность к политической системе/приверженность идее «анти-истеблишмента» – выделенные Гивенс являются негативно-утвердительными. По ее мнению, праворадикальные партии –

«1. Занимают анти-иммигрантскую позицию, предлагая установить более жесткий иммиграционный контроль и репатриировать безработных иммигрантов; призывают к установлению национальных (т.е. только для граждан) привилегий в отношении социальных благ и трудоустройства ("велферный шовинизм");

2. Функционируют – в отличие от прежних правоэкстремистских и фашистских партий – в рамках политической и электоральной системы того или иного государства. Несмотря на то, что они не ставят своей целью упразднение существующей политической системы, они настроены против истеблишмента ("анти-истеблишмент"), считая себя "аутсайдерами" в партийной системе и, таким образом, оставаясь вне скандалов, связанных с правительством или основными политическими партиями» [2, с. 20].

Несмотря на то, что сущность правого радикализма действительно соответствует в той или иной мере данному определению, проблематичность определения Гивенс заключается в том, что в нем содержатся «поглощаемые» концепции. Например, анти-иммигрантская позиция и «велферный шовинизм» праворадикальных партий имеют схожее значение, причем каждое из этих понятий фактически подразумевает наличие националистических воззрений, что делает излишним присутствие «национализма» в определении. Кроме того, анти-иммигрантских позиций придерживаются не все праворадикальные партии: сущность «Другого», который является главным «раздражителем» для правых радикалов, может воплощаться как в образе иммигранта, так и в образе согражданина (если он или она имеет иное этническое происхождение, придерживается иной культуры или вероисповедания и пр.).

С нашей точки зрения, более эффективным подходом представляется выделение утвердительных идейных элементов нового правого радикализма, составляющих его идеологическое ядро. Реализацию такого подхода демонстрируют бельгийский политолог К. Мудде. В своей работе «Популистские праворадикальные партии в Европе» он в значительной мере переработал определение нового правого радикализма, которое он дал в своем предыдущем исследовании «Идеология правого экстремизма». По мнению Мудде, популистские праворадикальные партии придерживаются «идеологии, которая представляет собой сочетание нативизма, авторитаризма и популизма» [3, с. 26]. Нативизм – в терминах Мудде – это идеология, в соответствии с которой: а) государства должны быть населены исключительно членами коренной группы и б) не-коренные элементы (люди и идеи) представляют собой основную угрозу однородному национальному государству. В отношении второго элемента – авторитаризма – Мудде придерживается выводов, сделанных Теодором Адорно и Робертом Альтемайером, и считает, что авторитаризм – это «вера в жестко организованное общество, в котором любые посягательства на власть должны сурово караться». В смысловом объеме понятия «авторитаризм» Мудде включает концепцию законности и порядка, а также «карательный консервативный морализм». Под «популизмом» Мудде понимает идею того, что а) общество делится на две однородные и антагонистические группы – «простой народ» и «коррупцированную элиту», б) политика должна быть реализацией народной воли [2, с. 22-23].

Основной недостаток определения нового правого радикализма Мудде заключается в его пространности. Вне всяких сомнений, идейные воззрения лидеров «Свободной партии Австрии», «Фламандского интереса» и некоторых современных крайне правых партий, полностью соответствуют определению Мудде, однако это же определение справедливо, например, для описания идеологии румынского фашистского движения «Железная гвардия», что лишает определение таксономической ценности. Другим недостатком определения Мудде является то, что в нем содержатся термины (прежде всего, «нативизм» и «популизм»), которые не являются однозначными и требуют дополнительной интерпретации.

В данной статье предлагается использовать определение, в котором берется за основу подход британского политолога и историка Р. Гриффина, который рассматривает новый правый радикализм как «"этнократический либерализм" – гибрид идеологического экстремизма и демократического конституционализма», не отрицающий либерально-демократическую систему в целом, но настаивающий на этноцентризме в вопросе установления критериев принадлежности к гражданской общности того или иного государства [7, с. 173]. Важно отметить, что в настоящее время этнический критерий не является единственным в контексте идентификации национального сообщества с точки зрения современным крайне правых партий. Многие исследователи (П.-А. Тагиефф, Э. Балибар, В. Шнирельман, К. Мудде, Э. Картер и другие) указывают на значимость культурного критерия в рамках восприятия национального сообщества правыми радикалами, особенно после «культурного поворота», который был осуществлен европейскими «Новыми правыми» – внепартийной метаполитической сетью аналитических центров крайне правой идеологической направленности. «Новые правые» во главе с Аленом де Бенуа, главой «Группы исследования и изучения европейской цивилизации», разработали в 1980-х годах идею так называемого нового расизма, который – в отличие от старого расизма – подразумевает тотальное разделение людей не по биологическому (расовому) признаку, но по признаку принадлежности к той или иной культуре, причем с точки зрения «Новых правых» различные культуры являются несовместимыми друг с другом. Таким образом, культурный фактор входит в предлагаемое здесь определение наравне с этническим:

Новый правый радикализм – это идеология, основывающаяся на идее сохранения, реализации и воспроизводства этнически и культурно однородного типа общества в рамках либерально-демократической системы.

Идеальным типом общества для новых праворадикальных партий является такое общество, которое представляет собой «гармоничное единство», не подверженное этническому и культурному разделению. Современные крайне правые партии настаивают на том, что только такой тип целостного общества может быть основой национального благополучия. При этом «национальная интеграция отождествляется с вытеснением "этнически чуждого элемента"» [8, с. 97] и отказом от идеи мультикультурализма, поскольку, с точки зрения правых радикалов, «"смешение культур", упразднение "культурных дистанций" означает интеллектуальную смерть человечества и, может быть, даже подвергает опасности регулятивные механизмы биологического выживания» [9, с. 32]. Следовательно, гражданство в либерально-демократическом государстве представляется эксклюзивной привилегией тех, кого можно назвать коренными жителями, и только на них могут распространяться блага капиталистического общества. Как критически отметил венгерский ученый Г.М. Тамаш, новый правый радикализм «прекрасно уживается с либеральной демократией Анти-Просвещения, которая, не встречая никакого серьезного сопротивления, реабилитировала понимание гражданства как привилегии, даруемой сувереном, вместо прежнего понимания гражданства как универсального права человека» [10, с. 13].

Схожего мнения придерживается Р.Гриффин: «Если в теории боевым кличем либерализма является изречение Руссо "Человек рождается свободным, но повсюду он в цепях", то на практике его лозунгом является оруэлловское "Все равны, но некоторые равнее других"» [7, с. 174]. Новый правый радикализм является, по мнению немецких социологов Э.Шойха и Х.-Д.Клингеманна, «нормальной патологией» либерального промышленного общества и, современные крайне правые партии, используя присущие такому типу общества социально-экономические противоречия, дестабилизируют его изнутри, оставаясь, тем не менее, в пределах законного политического пространства. В Германии «нормальность» правого радикализма закреплена на уровне законодательства: «Федеральное бюро защиты конституции» ФРГ считает радикальными те политические субъекты (организации, движения, партии и пр.), которые подвергают глубокому сомнению либерально-демократический строй и являются его непримиримыми критиками, но при этом не занимаются деятельностью, противоречащей существующему государственному устройству. Подобное сдержанно-толерантное отношение к радикализму (в частности, к правому), являющемуся, пусть и «патологической», частью плюралистической общественной системы, зафиксировано в законодательстве не только немецкого, но и других европейских государств.

Современные крайне правые партии остаются в рамках закона до тех пор, пока они предлагают конституционные меры для воплощения в жизнь своей политической программы. Одобрение (или пропаганда) насильственных действий в качестве средства реализации «повестки дня» выводит партию из легального политического пространства и делает ее правоэкстремистской. Таким образом, термин «правый экстремизм» следует использовать не в качестве синонима «нового правого радикализма», но для обозначения идеологии тех партий, которые стремятся к сохранению, реализации и воспроизводству этнически и культурно однородного типа общества путем насильственных действий вне рамок либерально-демократической системы. Например, если современные правые *радикалы* стремятся к вытеснению этнически и/или культурно «чуждого элемента» из общества путем внедрения законного (с точки зрения конституции того или иного государства, но не в контексте Всеобщей декларации прав человека) ужесточения миграционной политики, то осуществление или пропаганда насильственных действий по отношению к таким «чуждым элементам» является неотъемлемым признаком правого *экстремизма*. Приятие или неприятие насилия как метода достижения политических целей является «водоразделом», отделяющим одну разновидность современной крайне правой политики от другой.

В данной статье мы проанализировали три определения нового правого радикализма, которые были даны в недавно опубликованных исследованиях, посвященных современным крайне правым партиям. Как было показано, данные определения верно описывают идеологические установки праворадикальных партий, однако в силу определенных причин не могут являться полностью приемлемыми. В виду этого, в статье было предложено иное определение нового правого радикализма, которое не противоречит вышеуказанным определениям, но скорее уточняет их.

Библиографический список

1. Carter E.L. The Extreme Right in Western Europe: Success Or Failure? / E.L. Carter. — Manchester: Manchester University Press, 2005. — 271 p.
2. Givens T.E. Voting Radical Right in Western Europe / T.E. Givens. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 188 p.
3. Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe / C. Mudde. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 385 p.
4. Eatwell R. Towards a New Model of Generic Fascism / R. Eatwell // Journal of Theoretical Politics. — 1992. — № 4/2. — P. 161–194.
5. Погорельская С.В. Введение. Методологические проблемы исследования правого радикализма / С.В. Погорельская // Правый радикализм в современной Европе: сб. науч. тр. / Ред.-сост. С.В. Погорельская. — М.: ИНИОН РАН, 2004. — С. 6–15.
6. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) / Дж. Сартори // Политические исследования. — 2003. — № 4. — С. 152–160.
7. Griffin R. Interregnum or Endgame? The Radical Right in the "Post-Fascist" Era / R. Griffin // Journal of Political Ideologies. — 2000. — № 5/2. — P. 163–178.
8. Галкин А.А. Размышления о политике и политической науке / А.А. Галкин. — М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2004. — 278 с.
9. Балибар Э. Существует ли "неорасизм"? / Э. Балибар // Э. Балибар, И. Валлерстайн // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. — М.: Издательство "Логос", 2004. — С. 27–38.
10. Тамаш Г.М. О постфашизме / Г. Тамаш // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2000. — № 3 (32). — С. 6–14.

Поступила в редакцию 8.05.2008 г.